

Валерий Цугов

ЧЕСТЬ

ПРЕВЫШЕ СМЕРТИ

Исторические
рассказы

Валерий Чудов

**Честь превыше смерти.
Исторические рассказы**

«Четыре четверти»

2016

Чудов В. И.

Честь превыше смерти. Исторические рассказы / В. И. Чудов —
«Четыре четверти», 2016

В сборник включены рассказы о жизни некогда знаменитых людей, чьи имена были известны, но со временем забыты или полузабыты. Военачальники, путешественники, мореплаватели, священники верой и правдой служили своему Отечеству и прославляли нашу землю.

Содержание

Вперед, с крестом в руке!	8
Скачи к своей славе, герой!	13
С расстояния пистолетного выстрела	23
Драться до последней возможности!	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Чудов
Честь превыше смерти.
Исторические рассказы
(сборник)

Член Союза писателей Беларуси.

Окончил Высшее Военно-Морское училище в Ленинграде. Служил на атомных подводных лодках Северного и Тихоокеанского флотов. В настоящее время офицер запаса. Живет в Минске.

Начинал печататься как литературный переводчик. Пишет рассказы на исторические темы.

Впереди, с крестом в руке!

11 декабря 1790 года русские войска под командованием А. В. Суворова штурмом взяли сильнейшую крепость на Дунае – Измаил, где была уничтожена целая турецкая армия. Имена многих героев этого штурма вписаны в историю, но до сих пор сотни достойнейших участников этой баталии преданы забвению. Рассказ пойдет об одном из таких героев, имя которого почти неизвестно. Это священник Полоцкого пехотного полка Трофим Егорович Куцинский.

В декабрьскую ночь перед штурмом небо заволокло тучами. Над твердой, сухой землей стелился туман. От легкого, порывистого ветра он то разрывался в клочья, то опять соединялся в белесую мглу. Стояла холодная, но без морозов и снега погода.

Русское войско отдыхало перед штурмом. Возле одного из множественных костров, охвативших кольцом турецкую крепость Измаил, расположились человек десять. Восемь из них то ли спали, то ли дремали, а двое сидели рядышком и тихо переговаривались.

Из темноты вдруг вынырнула фигура человека. По теплой, хоть и укороченной рясе и большому кресту на груди было видно, что это священник. Он подошел к костру и сел на корточки, протягивая руки к огню. На вид ему было лет сорок. Чуть удлиненное лицо с живыми темными глазами, ухоженная борода, усы. Волосы собраны сзади в небольшую косичку.

– Что, воины, не отдыхаете? – спросил он у сидящих. У него был приятный грудной голос, немного певучий, как у всех священников.

– Не спится, батюшка, – ответил один из солдат.

– Да и я тоже не могу перед боем уснуть, – поддержал его второй. – Думы разные о смерти в голову лезут.

– Не о том думаешь, – промолвил священник. – Воин перед боем не о смерти вспоминать должен, а о том, как дело свое ратное довести до конца, до победы.

– Страх смерти нет, – отозвался первый солдат. – Привык я уже к ней. Прошел с полком и Очаков, и Бендеры, и Килию. Слава богу, лишь легкое ранение.

– Далеко нас забросило, отец Трофим, – сказал второй солдат, меняя тему разговора. – У нас дома сейчас зима со снегом, а здесь и осень без дождей, и в декабре – ни снежинки.

– А откуда вы? – спросил поп.

– Из-под Полоцка мы оба, – отозвался за обоих первый солдат.

Отец Трофим улыбнулся:

– Со времен Всеслава-Чародея полоцкая земля воинами славилась.

– Но они воевали на своей земле, – уточнил второй солдат, – а мы здесь зачем?

– У тебя что на шее висит? – нахмурился священник.

– Крестик нательный.

– Правильно, потому что ты – христианин. А завтра перед тобой басурманы станут. И будешь ты воевать за веру нашу, чтобы выгнать их с нашей славянской земли. Запомните это, воины.

Отец Трофим хлопнул ладонями по коленкам и поднялся:

– Пора мне. Храни вас Господь, солдаты.

Он осенил их крестом и исчез в темноте. У костра наступило молчание.

В три часа ночи прозвучал сигнал. Войска стали строиться в боевые порядки и начали выдвигаться к местам, определенным диспозицией. В 5.30 утра взлетела сигнальная ракета. Девять колонн, с суши и с реки, одновременно пошли на приступ турецкой крепости.

Полоцкий пехотный полк был в резерве, который предназначался для поддержки атакующих колонн Орлова и Платова. Солдаты стояли в строю, с нетерпением переступая с ноги на ногу, и вглядывались в темноту. Вдали виднелись сполохи от орудийных выстрелов, слышались

грохот пушек, ружейная стрельба. Перед строем ходили двое: командир полка – полковник Яцунский и полковой священник – Трофим Куцинский. Полковник ходил спокойным, размеренным шагом, отец Трофим следовал за ним на почтительном расстоянии, изредка обращаясь к солдатам.

Прошло полтора часа. Уже начало светать, рассеивался туман. Виднелись земляные валы и бастионы Измаила, окутанные пушечным и ружейным дымом. И вот наконец поступил приказ: полку двигаться к Бендерским воротам на помощь атакующим.

Полковник был краток, обращаясь к солдатам:

– Братцы, настал наш черед! Не посраим чести нашего полка! За мной быстрым шагом!

Когда до цели осталось несколько сот метров, раздалась команда: «Примкнуть штыки!». Офицеры обнажили шпаги. Уже видно было, какая жестокая схватка шла на валу, на лестницах, во рву. Турки теснили плохо обученных спешенных казаков, вооруженных короткими пиками и шашками.

Яцунский взмахнул шпагой и бросился на врага. За ним с криком «Ура!» ринулся полк. Но перед самым рвом полковник упал, сраженный пулей. На миг солдатская масса остановилась в замешательстве, заколебалась, не видя перед собой командира. И тут на насыпи перед рвом появилась фигура отца Трофима. Он поднял свой крест высоко над головой и с криком «Вперед, воины! Бей нехристей!» помчался через ров. Когда он подбежал к подножью лестницы, то увидел, что полк уже обогнал его, и теперь воодушевленные солдаты карабкались на вал. Отец Трофим не остановился и тоже полез по лестнице вверх. На середине пути он вдруг почувствовал, что ранен в ногу. И хотя нога занемела, он все же добрался до куртины¹ вала. Здесь священник упал на одно колено, продолжая держать крест высоко над собой. Вокруг него кипела жестокая схватка. Полоцкие мушкетеры ударили в штыки. Звенела сталь, трещали ружейные и пистолетные выстрелы, кричали и ругались бойцы, стонали раненые. Повсюду лилась кровь. Эта сцена до конца жизни вспоминалась Куцинскому. Но вот уже слева и справа шли к ним на соединение казаки во главе с Платовым и Орловым. Расправился с турками на своем участке и Кутузов. Теперь на валу от Килийских до Бендерских ворот стояли русские войска. Враг был побежден.

Когда к отцу Трофиму подбежали санитары, он полулежал на боку:

– Ну, братцы, залез я сюда, а вот сойти не смогу, высоты боюсь.

– Не беспокойся, батюшка, – усмехнулся старший из санитаров, – мы тебя на веревках спустим.

На следующее утро Суворов посетил лазарет. Он обошел всех раненых, стараясь ободрить их добрым словом, и наконец добрался до отца Трофима. Тот сидел на лежанке, вытянув раненую ногу, взятую в шины. На груди у него по-прежнему висел крест. Увидев главнокомандующего, священник попытался подняться, но Суворов жестом остановил его:

– Побереги силы, герой, они тебе еще пригодятся.

Он пожал руку раненому:

– Давно воюешь, братец?

– Начинал в Таврии, потом – Кинбурн, а вместе с полком – Очаков, Бендеры, Килия. Теперь вот – Измаил.

– Славный воин! Истинный герой! Подвигу твоему нет примера в российской армии! Да и ни в какой другой армии. Безоружный, впереди войска, с крестом в руке! К награде будешь представлен обязательно.

Сделав паузу, Суворов хитро улыбнулся и спросил:

– А не страшно было без оружия на турка лезть? Под картечь, под пули, под сабли янычарские?

---

¹ *Куртина* – в старину: часть крепостной стены между бастионами.

– Страшно, – признался отец Трофим, – но со мной крест был...

– Поистине, – воскликнул полководец, – кто страх преодолел – герой!

Он наклонился, взял в руки крест:

– Вижу две отметины от пуль на нем. Память тебе на всю жизнь.

Выпрямившись, Суворов вдруг торжественно объявил:

– Правом главнокомандующего поручаю тебе, отец Трофим, провести благодарственный молебен в новой церкви Святого Спиридония в честь нашей победы! Почет сей предоставлен тебе за усердие в бою. Чтобы все знали о твоём подвиге.

– Благодарю за доверие, Александр Васильевич, – оправдывался священник, – да как же я с такой ногой...

– Ничего, справишься. Костыль тебе изготовят, обопрешься на него. Готовься, братец, а у меня дел невпроворот.

И Суворов стремительно вышел из лазарета.

Утро тринадцатого декабря выдалось хмурым. Небо по-прежнему не прояснялось. Дул холодный, порывистый ветер. Несмотря на погоду, настроение у людей, собравшихся на площади перед бывшей турецкой мечетью, было приподнятое. Они пришли на благодарственный молебен по случаю взятия крепости. Мечеть срочно переосвятили в православную церковь Святого Спиридония, так как Измаил был взят в день памяти этого святого. Бывшая мечеть располагалась на самом берегу реки Дунай и являла собой прочное приземистое, без излишеств здание с куполом. По размерам оно было небольшим и вмещало не более полсотни человек. Потому внутри церкви разместились лишь генералитет с Суворовым и штаб-офицеры. Остальные желающие заполнили площадь и примыкавшие к ней улочки.

Отец Трофим, бледный, но с торжественным лицом, опираясь на костыль, провел молебен по всем канонам православной церкви. Его сильный, певучий баритон заполнил помещение и вырвался наружу через раскрытые двери. Все слушали его, обнажив головы.

А потом победно грохотали пушки, отбитые у врага.

Несколькими днями позже, диктуя писцу наградные листы, Суворов запнулся, когда речь пошла об отце Трофиме:

– Какую награду я могу просить для него? Воинские награды священникам не положены, да и светские тоже... Знаешь что, опиши-ка ты его подвиг, а уж Григорий Александрович сам решит, что просить для попа у матушки-императрицы.

Князь Потемкин-Таврический удивлялся, читая о полковом священнике:

– Экий героический поп! Отметить надо непременно. Каков пример христианскому воинству! Только вот что просить для него? Подобных случаев не бывало...

Подумав немного, он сказал секретарю:

– Представим подвиг как есть и попросим для него Креста на шею, а уж Ее Величество сама решит, что добавить. Пиши: Полоцкого пехотного полка священник Трофим Куцинский во время штурма Измаильского, ободряя солдат к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жесточайшем сражении. Крест Господен, который он, яко знамение победы для воинов, носил в руках, пробит был двумя пулями. Уважая таковую его неустрашимость и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею.

Екатерина Вторая всегда серьезно и внимательно относилась к наградным листам. Услышав о деяниях отца Трофима, она заметила начальнику канцелярии:

– Случай особый и отличить его следует достойно. К тому, что написал светлейший, добавь «Крест на Георгиевской ленте, осыпанный бриллиантами, и пожаловать пенсиями: единовременной в 500 рублей и пожизненной 300 рублей ежегодно».

Чуть позже, по духовной линии, он был возведен в сан протоиерея.

Отец Трофим был первым священником, получившим крест на Георгиевской ленте. Залечив рану, он продолжил службу в Днепровском полку, а затем – под начальством графа

Румянцева-Задунайского. Уйдя с военной службы в 1795 году, Куцинский обосновался в Подольской (Брацлавской) епархии.

И жить бы ему там до конца жизни в благоденствии. Но уж очень беспокойный характер был у отца Трофима. В 1797 году он оказался впутанным в «кляузное дело». Состояло оно в том, что Куцинский, человек, бесспорно, неуживчивый, своевольный и горячий, подал в Святейший синод донос на епископа Иоанникия. Синод признал донос несправедливым и послал дело на рассмотрение императора.

К тому времени скончалась Екатерина Вторая. На престол взошел Павел Первый, который не любил свою матушку и все делал наперекор ей. Для России наступили новые времена, ушли в тень славные победы русского оружия.

Император Павел всегда был скор и на суждения, и на расправу. Часто, не вникая в суть дела, он полагался лишь на свое личное мнение и на доклады царедворцев. И когда ему представили дело Куцинского, он возмутился:

– Не дело императору заниматься проделками какого-то прохиндея-попа!

– Поощряла его Ваша матушка, императрица, и потому награды можете снять только Вы, Ваше Величество.

– Ну так давайте указ, раз считаете нужным, я подпишу, – нетерпеливо сказал Павел.

Так, по «кляузному делу» Трофим Егорович Куцинский враз лишился креста, пенсии, места и был отправлен в монастырь «на исправление». Так ставленник Греческого митрополита, герой Измаила, увековеченный историческими данными, легендами и рисунками, превратился в ссыльного «протопопа». Для него это было как гром среди ясного неба. Начались его беды и мытарства.

Он пробыл в изгнании 1 год и 4 месяца, затем его вернули в Минскую епархию, но места не дали. Награды ему тоже не возвратили.

Тем не менее отец Трофим верил в справедливость верховной власти. И в 1800 году он подал прошение на имя императора, в котором писал «...остаюсь при крайнем бессилии далее пропитать себя с семейством. Всеподданнейше прошу повеления возвратить... мне мои грамоты...»

Павел Первый был в бешенстве:

– Что себе позволяет этот поп! Что император может менять свое мнение из-за хотения какого-то прохвоста?! Отказать! И если еще напишет, отправлю в Сибирь!

Весной 1801 года император Павел был убит. На престол вступил его сын Александр. И ему, с надеждой, отец Трофим послал новое прошение с просьбой восстановить его привилегии.

Император Александр Первый, слывший образованным государем, внимательно выслушал прошение и спросил у начальника канцелярии:

– Кто награждал священника?

– Ваша бабка, императрица Екатерина, Ваше Величество.

– За что?

– За подвиг, совершенный при взятии Измаила.

– А кто лишил почестей?

– Ваш батюшка, император Павел.

– И было за что?

– Судя по «кляузному делу», было.

– Значит, только я могу восстановить его в правах?

– Так точно, Ваше Величество.

– Ну так разберитесь.

После разбирательства Куцинскому вернули только пожизненную пенсию в 300 рублей. Но неугомонный отец Трофим не остановился на этом и отправил новую бумагу с просьбой полной реабилитации.

Когда новое прошение добралось до императора, тот сразу же вспомнил:

– Опять этот поп? Что еще он хочет?

– Просит в память его бывших заслуг вернуть ему крест на Георгиевской ленте, пожалованный императрицей Екатериной Второй.

– Может, действительно вернуть ему крест? Все-таки подвиг совершил. Да и коронация моя на носу. Надо проявить милость.

И Куцинскому вернули награду.

Следует отметить, что в те времена нужно было иметь много энергии, гражданского мужества и смелость, чтобы последовательно подавать двум императорам по два прошения каждому за короткий срок, чтобы упорно отвоевывать для себя все утраченное и не смущаться, если какое-нибудь из прошений будет возвращено «с надранием».

В течение нескольких лет отец Трофим перебирался из одной епархии в другую и даже служил священником в двух полках, на Кавказе и в Москве.

Но болезни донимали его. В 1805 году он попросил отставки и паспорт для отъезда за границу, в Яссы, к родственникам жены. В том же году Куцинский навсегда уехал из России.

Где успокоилась душа измаильского героя отца Трофима? Неведомо, земля какого государства приняла его останки, как и неведомо место захоронения тысяч и тысяч воинов, положивших жизни при штурме крепости Измаил.

Осенью 1811 года группа казаков возвращалась домой после войны с турками. Путь их пролегал через Бессарабию. Стояла теплая, солнечная погода. Казаки ехали по сухой Буджакской степи и наслаждались тишиной и спокойствием окрестностей. Неподдалеку от большого села Татар-Бунар они заметили фигуру, одиноко стоявшую на обочине дороги. Это был старик с бородой, одетый в старого кроя мундир. Из-под засаленной треуголки торчали седые волосы. Живые глаза пытливо всматривались в проезжающих. Он ничего не сказал, только отдал честь. Когда всадники проехали, один из казаков сказал другому:

– Ты заметил медаль на его груди?

– Нет. Я заметил лишь крестик на ленточке.

– Это медаль «За взятие Измаила». Их давали только офицерским чинам. Я знаю, потому что такая же у нашего полковника. Он ею очень дорожит.

– Как же она оказалась у старика?

– Многие из здешних принимали участие во взятии Измаила как добровольцы. Их называли арнаутами. Возможно, он был в полковом управлении или командовал отрядом.

– Неисповедимы пути Господни, – философски отметил второй казак.

Миллионы людей много сотен лет говорили эти слова. И у каждого была своя судьба.

Скачи к своей славе, герой!

Он родился в дворянской семье, когда могилевские земли еще входили в состав Речи Посполитой, начал службу в польской армии, потом перешел в русскую с чином секунд-майора Белорусских шляхетских хоругвей. О дальнейшей удивительной судьбе Ефима Игнатьевича Чаплица – этот рассказ.

– Доставите письмо Суворову, господин майор, – сказал Потемкин. – В нем – мой ультиматум сераскиру крепости Измаил. Так что будьте внимательны и осторожны в дороге. Отправляйтесь немедленно.

Молодой стройный офицер взял пакет и отдал честь. У него было худощавое лицо с высоким лбом, тонкий, длинноватый нос и светлые усики. Заметив небольшое колебание курьера, главнокомандующий спросил:

– В чем дело?

– Дозвольте присутствовать при баталии, ваша светлость.

Карие глаза молодого человека смотрели умоляюще.

Князь встал из-за стола, подошел к офицеру и уставился на него своим единственным глазом. Он был на полголовы выше подчиненного и поэтому смотрел сверху вниз.

– Я зачем тебя вытащил с твоей Могилевщины, шляхтич?

Потемкин нарочито вытянул губы, когда произносил букву «в», имитируя белорусское произношение. Получилось «Могилеувщины».

После первого раздела Польши Екатерина Вторая подарила своему фавориту земли вновь образованной Могилевской губернии. Там и заметил князь смышленного, расторопного секунд-майора Чаплица, служившего в Белорусских шляхетских хоругвах. Он забрал его к себе в штаб и не пожалел. Офицер был умен, надежен и с рвением выполнял поручения.

– Я взял тебя для службы в моем штабе, а ты все норовишь в армию удрать, – продолжал Потемкин. – Подумай, там – холод, грязь, сон урывками, еда не вовремя, болезни всякие. Могут ранить или, не дай господи, убить. А здесь, под боком у светлейшего, тепло и уютно. И орден можно со временем получить. Некоторые рвутся сюда, да попасть не могут. Мне ведь толковые офицеры нужны, а не бездари.

Чаплиц молчал, но голову не опустил и взгляда не отвел.

– Ладно, – вдруг снизошел главнокомандующий, – вижу, рвешься ты в дело. Отпускаю тебя, но после штурма – сразу ко мне.

– Так точно, ваша светлость, – радостно выпалил юноша.

– Подожди-ка, я набросаю пару слов Александру Васильевичу, а то ведь он может тебя и не принять, назад отправить.

Князь, не присаживаясь, написал записку и отдал ее офицеру.

– Ну вот теперь все. Иди с Богом, майор.

Чаплиц прибыл к Измаилу за два дня до штурма. Суворов при нем прочитал письмо Потемкина.

– Хорошо, – сказал он, – сегодня же парламентар доставит ультиматум в крепость. А вы, офицер, свободны.

Молодой человек молча протянул ему записку. Генерал не удивился.

– Так вы хотите участвовать в штурме?

– Буду счастлив, ваше превосходительство.

– Мне кажется, я вас где-то встречал, майор?

– Так точно, при Очакове. Я там был при штабе светлейшего князя.

– Вы из кавалерии? – Суворов указал на саблю, висящую на левом боку офицера.

– Так точно.

– Кавалерия у нас в резерве. Пехота пойдет на приступ. А как откроют ворота, то для всех найдется работа. Так что будете пока у меня при штабе.

Штурм начался 11 декабря в пять утра. В это время Чаплиц уже находился в окружении командующего. Было еще темно, редкий туман покрывал землю. Суворов мерил шагами пригорок и молчал. Со стороны крепости слышались крики, звуки оружейных и ружейных залпов. Молниями сверкали в ночи пушечные выстрелы.

Донесения начали поступать через час-полтора: «Вторая колонна взошла на вал!», «Первая колонна обошла палисад и дерется на территории крепости!», «Десант высадился на берег и теснит врага!», «Генерал Кутузов второй раз идет на штурм!»

Суворов кивал головой. Все идет по плану. Уже начало светать, когда пришло тревожное сообщение: «Четвертая колонна в тяжелом положении. Раскрылись Бендерские ворота, турки совершили вылазку и теснят казаков!»

Командующий среагировал моментально. Он обратился к бригадиру Вестфалену, командующему резервами:

– Дай-ка эскадрон и сотню охотников этому молодцу!

И указал на Чаплица.

– А тебе, майор, приказываю вылазку турецкую разбить, гнать до ворот, но в крепость не входить.

Офицер вскочил на коня.

– С Богом, – сказал ему Суворов, – скачи к своей славе, герой!

Татарская конница и янычары не ожидали атаки противника. Не все из них успевали повернуть коней и попадали под удары русских сабель. Бой был жестокий. Вылазку уничтожили почти полностью. Турецкую пехоту порубили, а из всадников лишь малая часть успела заскочить в закрывающиеся ворота.

Свой первый боевой экзамен Чаплиц выдержал с честью. Здесь, под Измаилом, он получил первый орден – Владимира 4-й степени с бантом – и стал премьер-майором. Наградной лист на него писал лично Суворов. Тогда они и не думали, что спустя четыре года вновь встретятся после драматичных и трагичных событий.

Потемкин был доволен молодым офицером.

– Молодец! Герой! Не посрамил старика. Так и быть, после войны отпущу тебя в войска.

Вскоре был заключен мир с Турцией. Чаплиц стал подполковником Смоленского драгунского полка и получил назначение в Польшу.

В 1793 году состоялся второй раздел Польши. России отошла большая часть Белоруссии и Украины. Российские войска вошли в Варшаву.

В начале 1794 года Чаплиц находился при генерале Игельстроме, русском наместнике в Польше.

В марте 1794 года на Висле вспыхнуло восстание, во главе которого встал Тадеуш Костюшко.

Шестого апреля, на Страстной неделе, набатный звон колоколов в костелах разбудил варшавян. Жители столицы вооружались всем, чем могли. В узких улочках началась настоящая охота за русскими солдатами, что размещались здесь гарнизоном. Их убивали жестоко, зверски, а вид несчастных жертв еще больше возбуждал злобу.

Тех поляков, кто разделял пророссийские настроения, выволакивали из домов, на глазах толпы истязали, а затем лишали жизни.

Генерал Игельстром вызвал к себе Чаплица.

– Вы говорите по-польски, подполковник?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Я поручаю вам важное задание. Во чтобы то ни стало надо договориться с повстанцами о выводе из Варшавы русского гарнизона.

Разговора с восставшими не получилось.

– Мы всех вас уничтожим, – вскричал один из поляков и направил пистолет в грудь Чаплицу.

Кто-то успел отвести оружие в сторону:

– Это же парламентар.

Пуля попала офицеру в руку и прошла навывлет.

– Перевязать и отправить в тюрьму, – сказал один из предводителей, – пусть пока у нас посидит.

На следующий день его привели к окну, выходящему на тюремный двор.

– Смотри, как мы расправляемся с предателями!

Сюда приволокли одного из известнейших в Польше магнатов, князя Антония Четвертинского, происходившего из династии Рюриковичей.

На глазах тысяч варшавян и в присутствии детей несчастного его заставили встать на колени, а затем волоком, как уже не человека, а какое-то животное, подтащили к виселице. Толпа, вооруженная ружьями, саблями, камнями и даже ножами, бесновалась. Рев сотрясал воздух.

Чаплиц просидел в плену до осени. 24 октября Суворов штурмом взял пригород Варшавы, крепость Прагу. На следующий день столица сдалась без боя.

После освобождения Чаплиц явился к генералу-победителю.

– Вот так встреча, – удивился Суворов, – как же тебя, подполковник, угораздило?

Офицер рассказал ему о своих испытаниях.

– Досталось тебе, братец, нечего сказать. Иди, лечись да быстрее в строй становись. Такие люди нам нужны в армии.

В 1796 году Екатерина Вторая задумала поход в Персию. Во главе войск она назначила Валериана Зубова, младшего из трех братьев-фаворитов. Чаплиц принимал участие в этом предприятии, командуя двумя казачьими полками. Подчинялся он атаману Платову.

В начале мая русская армия подошла к Дербенту. Хотели начать осаду, но защитники крепости решили сдаться без боя. Однако не все горцы подчинились, и одну башню пришлось брать приступом. Сдачу обставили торжественно. Рано утром ворота Дербента растворились, и оттуда пешком вышли знатные горожане во главе с одним из сыновей персидского шаха. Зубов принимал их, сидя на лошади, в окружении своих казаков, среди которых был и Чаплиц.

Вручал ключи от города глубокий старик.

– Сколько же тебе лет, горец? – спросил его удивленный Зубов.

– 120 лет, – ответил тот через переводчика, – в 1722 году я вручал эти ключи Петру Великому.

После Дербента войска двинулись в сторону Баку. Шли медленно, страдая от недостатка продовольствия, преодолевая сопротивление местных племен. Полки Чаплица находились в непрерывных схватках с горцами. Зубов отметил храброго офицера, и в июне он был произведен в полковники.

Баку удалось взять легко. Сам хан вручал командующему ключи от города на границе своих владений.

Через день Зубов вызвал к себе Чаплица.

– Доставишь ключи и мое донесение императрице. Это знак большого доверия, полковник. А если государыня изъявит желание узнать о походе, расскажи о наших славных делах и о наших трудностях.

Чаплиц впервые видел Екатерину и был поражен ее умом и тактом. Она приняла его хорошо и внимательно выслушала доклад. Императрица долго расспрашивала полковника и осталась довольная действиями русских войск.

– Зубов сделал в два месяца то, на что Петру Первому потребовалось два похода, – сказала она, – и притом он встретил большее сопротивление, чем император.

Чаплиц вернулся на Кавказ и продолжал воевать. Скоро сдались Кубань и Ганза. Но чем дальше шло дело, тем яснее становилось, что план Персидского похода, плохо задуманный и еще хуже разработанный, неисполним, ибо требовал от государства непосильных затрат – миллионов рублей и сотен тысяч войска. Смерть Екатерины осенью 1796 года прекратила военные действия.

Павел, едва вступив на престол, минуя Зубова, послал особое повеление каждому полковнику: «С получением сего выступить на непременные квартиры такой-то губернии, в такой-то город». Он хотел, чтобы спешное возвращение войск совершилось без ведома главнокомандующего. Зубов и весь его штаб, покинутый в неприятельской земле, неминуемо оказались бы в плену у персов, если бы Платов со своими казаками, вопреки высочайшему повелению, не остался охранять генералитет.

Когда об этом доложили Павлу, тот пришел в бешенство.

– Какая наглость! Какая дерзость! Не выполнить повеление императора! Наказать! Всех отстранить от службы! Атамана, как зачинщика, – в Петропавловскую крепость!

Платов просидел там три года.

Чаплиц, который также не покинул Зубова, отделался более легким наказанием. Его уволили из армии и отправили в родные места, на Могилевщину. Там он оставался вне службы до вступления на престол Александра Первого.

Новый император на четвертый день своего царствования призвал Чаплица вновь на военную службу и произвел его в генерал-майоры, а в октябре 1803 года назначил в свою свиту.

В 1805 году австрийский император запросил помощи у русского царя. Александр Первый откликнулся, и Россия в союзе с Австрией начала войну против Наполеона. Главнокомандующим был назначен Кутузов, который спешно повел пятидесятитысячную армию на помощь австрийцам.

В этой кампании Чаплиц получил назначение в корпус Багратиона и принял командование над кавалерией. Шли быстро. За тысячекилометровый путь через Европу сделали всего четыре дневки. Но все равно не успели. Самоуверенные австрийцы решили сами уничтожить французов, не дожидаясь подхода русских. В результате они были окружены, и командующий сдался Наполеону со всеми своими войсками.

И теперь против двухсоттысячной французской громады осталась только русская армия, изнуренная длительным переходом, обносившаяся и полуголодная. Чтобы сохранить войска, Кутузов начал отход на соединение с шедшими из России резервами и с уцелевшими австрийскими частями.

Корпус Багратиона, в составе которого был и отряд Чаплица, шел в арьергарде, отбиваясь от наседавшего противника. В первом же бою французы поняли, что перед ними не австрийцы, не пруссаки, не итальянцы, которых легко было бить. Русские не побежали при первых выстрелах, а пошли в штыковую атаку, отбросили французов и сдерживали их, пока не получили приказ отойти. Чаплиц несколько раз водил в атаку своих кавалеристов.

У переправы через реку Энс его гусары вступили в бой с авангардом Мюрата. Они сдерживали неприятеля, пока арьергард под картечным огнем не перешел реку, и затем сожгли мост. Но за рекой последовал новый бой, еще более ожесточенный. Врага отбросили. Слава о непобедимости французов заколебалась.

Русское войско отходило, лишённое помощи. Кутузов не получил ни подвод, ни снарядов, ни провианта, ни одежды, – ничего, что обещали австрийцы. Солдаты шли в осеннюю

непогоду по размытым дорогам раздетые и голодные. Офицеры ругались: «Дал бог союзников! Какое несчастье быть в союзе с такими негодьями, но что делать!»

Отойдя от городка Креймс, русская армия остановилась на привал. Впервые за две недели солдаты стали варить кашу, впервые спокойно улеглись отдыхать.

Стоял ноябрь. Было пасмурно, дул холодный осенний ветер.

Чаплиц спал в наспех построенной офицерской палатке, когда его разбудил посыльный.

– Князь Петр Иванович собирает командиров.

Багратион оглядел собравшихся офицеров и вздохнул. Изношенные мундиры, разбитая обувь, почерневшие лица.

– Я только что прибыл от Михаила Илларионовича. Положение наше серьезно осложнилось. К нам быстро движется французский авангард, чтобы отрезать пути отхода наших войск. С тыла нас также подпирает противник. Главнокомандующий принял решение прекратить отдых и форсированным маршем уходить на соединение с основными силами. Задача нашего корпуса – остановить французов, дать возможность всей армии отойти. Нас – шесть тысяч, у неприятеля – около тридцати тысяч...

– Всего-то, – вырвалось у одного из офицеров.

Все заулыбались. Улыбнулся и Багратион.

– А что, докажем врагу, что такое доблесть и мужество русского солдата. Надеюсь на вас, господа командиры, и на ваших подчиненных.

Багратион, да и все офицеры, понимали, что Кутузов посылает их на верную смерть, но только в этом самопожертвовании виделось спасение всей армии. Никто из командиров не роптал и не протестовал, напротив, каждый тут же начал готовить свои подразделения к предстоящей борьбе.

Той же бурной осенней ночью Багратион повел свой отряд по бездорожью, по звериным тропам через леса, овраги и горы, к утру опередил маршалов Наполеона и вышел им навстречу у деревни Голлабруна.

А Кутузов тем временем поднял свою армию. Голодные солдаты выбросили из котлов недоваренную кашу и, напрягая последние силы, двинулись к городу Цнайм навстречу идущим из России резервам.

Корпус Багратиона остановился неподалеку от селения Шенграбен. Здесь русские решили ждать французов.

Осмотрев позицию, Багратион подозвал Чаплица. Они вместе поднялись на пригорок, с которого видны были окрестности. Оба генерал-майора давно знали друг друга, еще с тех пор, когда Багратион под командованием Суворова штурмовал Варшаву. Там князь Петр и познакомился с Чаплицем, освобожденным из плена. Они дружили и были даже чем-то похожи друг на друга. Оба были отчаянно храбры в бою, личным примером увлекая людей за собой, но хладнокровны и расчетливы при оценке ситуации и выборе момента нанесения удара. Обоих любили солдаты и офицеры за честность и открытость. Оба были немногословны в речах и скромны в быту. Но, хотя они были в одинаковых воинских званиях, Чаплиц безоговорочно признавал верховенство князя Петра, видя в нем талантливого полководца.

– Холодно, – сказал Багратион, поеживаясь.

– Скоро будет жарко, – отпаривал ему Чаплиц.

– Да, Ефим Игнатьевич, туго нам придется. У меня большая надежда на твоих гусар и драгун.

И они начали подробно разрабатывать план обороны.

Целые сутки французы колебались, а потом с утра бросились на русский отряд.

День уже клонился к концу, а бой все еще шел. Он продолжался и ночью. Чаплиц сам водил в атаки своих кавалеристов, вступая в схватки с численно превосходившим противником.

Гибли русские, гибли французы. Поле боя было усеяно трупами, окутано дымом. Горел Шенграбен от пороховых складов, подожженных русскими артиллеристами.

Казалось непостижимым, как может шеститысячный отряд сдерживать тридцатитысячный авангард. Но русские упорно оборонялись и переходили в контратаки. Наконец глубокой ночью Наполеон, убедившись, что дальнейшие атаки бесплодны, приказал прекратить огонь. Багратион отбросил окружавшие его французские полки штыковым ударом, при поддержке конницы Чаплица пробился сквозь неприятеля и догнал далеко ушедшую русскую армию. Он вернулся с трофейным знаменем, приведя с собой 50 пленных солдат и 3 офицеров.

Цель Кутузова была достигнута – русская армия беспрепятственно двигалась к Цнайму. Во время прорыва Чаплиц получил рану в бок.

В истории войн Шенграбенское сражение осталось как изумительный пример мужества и героизма русских солдат, о которые разбились все усилия армии Наполеона. Даже враги, удивляясь стойкости отряда Багратиона, называли его «дружиной героев».

Кутузов спас от разгрома русскую армию, соединился с подошедшими из России войсками. Но через несколько недель славные боевые полки повел на гибель сам русский царь Александр.

Это был Аустерлиц.

Союзная русско-австрийская армия потерпела поражение.

Корпус Багратиона дрался на правом фланге, героически сдерживая напор превосходящих сил противника. Несмотря на рану, генерал Чаплиц много раз водил своих гусар и драгун в атаки. Покрытый копотью, без кивера, в изодранном, забрызганном кровью мундире, он бросался в самую гущу сражения, показывая пример подчиненным. Благодаря удару его отряда был спасен отрезанный неприятелем Псковский пехотный полк.

К ночи русские войска начали выходить из окружения. Раненный в лицо Кутузов, Дохтуров, Багратион собирали измученных, раненых солдат, чтобы отразить новые удары врага. Кавалерия Чаплица прикрывала отступление союзной армии. Она уходила последней.

В 1806 году началась новая война. На этот раз Россия выступила против Франции в союзе с Пруссией.

В том же году, в июле, Чаплиц был назначен шефом Павлоградского гусарского полка, в октябре – бригадным командиром, а в декабре уже принимал участие в сражении под Голымином (около польского города Пултуск). Там русские войска приняли на себя удар главных сил Наполеона. В критической ситуации конница Чаплица атаковала неприятеля и сбила его, что дало возможность остальным войскам отойти. В январе 1807 года он лихой кавалерийской атакой пробился через занятый французами городок Алленштейн и выручил теснимый и преследуемый противником отряд Долгорукова. Здесь он снова встретился с Багратионом и воевал под его командованием, правда недолго, потому что был назначен комендантом Кенигсберга. Две недели он отправлял в Россию раненых и больных солдат. Да и самого его лечили от ранения.

Потом он пять лет командовал несколькими дивизиями, расположенными на территории Белоруссии. В апреле 1812 года был назначен командиром кавалерийского корпуса во 2-ю армию, которой командовал Багратион. Чаплиц с радостью ожидал встречи со своим боевым товарищем. Однако, не успев добраться до своего места службы, он получил новый приказ о назначении его командиром дивизии 3-й армии, которой командовал генерал Торماسов. Войска располагались около Владимир-Волынского. Там и оказался Чаплиц в начале кампании 1812 года.

После вторжения Наполеона в Россию 3-й армии было предписано начать наступательные действия на Брест. Чаплиц со своим авангардом оказался в десятке верст от Кобрина. Он провел разведку и узнал, что гарнизон там небольшой. Привыкший действовать быстро и упреждающе, генерал решил атаковать, не ожидая подхода главных сил. Чаплиц с ходу овла-

дел городом, взял в плен генерала, 60 офицеров, около 2 тысяч солдат, 8 пушек и 4 знамени. Однако Тормасов был недоволен.

– Что это вы своевольничаете, генерал?

– Я действовал по обстановке, ваше превосходительство.

– Впредь согласовывайте со мной ваши действия.

И командующий отрапортовал царю, что город взяла его армия и что он лично принял капитуляцию гарнизона. Тормасов был ревнив к чужой славе. Он – не Багратион, который честно и справедливо относился к успехам своих подчиненных, радовался их славе.

Впрочем, Чаплиц все-таки получил свою награду – золотую саблю, украшенную алмазами, с надписью «За храбрость».

Победа эта – первая в Отечественной войне 1812 года – имела огромное нравственное значение для обеих сторон и вызвала панику не только в Герцогстве Варшавском, но и вплоть до Кенигсберга. В честь нее был произведен артиллерийский салют в Санкт-Петербурге.

Но Тормасов промедлил, не стал развивать успех и упустил момент добить остатки вражеского корпуса, обрушив на него все свои силы. К неприятелю подошла помощь, и русская армия вынуждена была отойти к местечку Городечно.

Здесь произошло сражение русских войск с превосходящими силами саксонцев и австрийцев, которые воевали на стороне Наполеона. В этом бою гусары Чаплица опередили противника и закрыли левый фланг армии. Они трижды опрокидывали неприятеля, но вынуждены были отступить. Однако дело свое сделали. Враг не прошел. Наступившая темнота положила конец борьбе. В ходе 14 часов сражения русским удалось отбить все атаки неприятеля, но недостатки позиции не позволяли дальше защищать ее. Ввиду численного превосходства неприятеля Тормасов вынужден был отойти. Отряд Чаплица прикрывал отход и в жарком бою у деревни Выжва 8 часов удерживал позицию перед австрийским корпусом. Здесь внезапной кавалерийской атакой русскими был уничтожен Венгерский гусарский полк.

В начале октября Чаплица вызвал к себе командующий корпусом Остен-Сакен.

– Ефим Игнатьевич, я изучил данные твоей разведки. По ним получается, что генерал Конопка по приказу Наполеона сформировал полк императорской гвардии из знатной польской молодежи и теперь вошел в Слоним, чтобы принять пополнение, так?

– Правильно. Кроме того, в окрестностях города идет набор в другие полки.

– В связи с этим хочу поручить тебе важное дело, которое, впрочем, основывается на твоём предложении. Ты ведь из здешних, белорусских, мест?

– Так точно.

– И ты считаешь, что из этого города очень удобно вести наблюдение за передвижениями французских войск?

– Верно.

– Ну тогда вот тебе мой приказ: выдвинуться к Слониму, уничтожить полк Конопки и помешать дальнейшему набору рекрутов.

Чаплиц блестяще справился с этим заданием. Полк был разбит, Конопка и его штаб взяты в плен. Это поражение конной Литовской гвардии произвело угнетающее впечатление на польское население Западной Белоруссии. Одним ударом отряд Чаплица парализовал формирование полков в Литве.

За Слонимское дело Чаплиц получил звание генерал-лейтенанта.

После известия об отступлении Наполеона армия Чичагова, в составе которой был авангард Чаплица, двинулась через Несвиж и Минск к Борисову. По плану Кутузова она должна была преградить отход французов через реку Березину.

Армия подошла вовремя, но основные силы русских запаздывали. Французы тоже не спешили, подтягивая войска.

Перед Чичаговым стояла трудно разрешимая задача – узнать, в каком пункте неприятель начнет переправу. Самое разумное было переправляться ниже Борисова, с выходом на Минскую дорогу. Чичагов выставил посты вдоль Березины для наблюдения за противником. Но уже 13 ноября, полагая, что Наполеон начнет форсировать реку южнее Борисова, направил туда основные силы. Чаплицу предоставили право выбора, и он остался со своим небольшим отрядом в пять тысяч человек на прежней позиции севернее Борисова.

Еще 12 ноября неожиданно ударил мороз, но снега не было. Река покрылась плавучими льдинами.

В ночь на 14-е Чаплиц не спал, ожидая возвращения разведки. Он стоял, завернувшись в бурку, на небольшом пригорке и смотрел на противоположный берег. На душе было тревожно. Там за рекой горело множество костров.

– Ваше превосходительство, – послышался у него за спиной голос адъютанта.

Генерал обернулся.

– Разведка прибыла.

– Зови.

Подошел казачий полковник. Лихо козырнул.

– Привели пленных, среди них один офицер. И захватили с собой старосту деревни.

– Давай сначала офицера.

Француз предстал пред ними в живописном наряде. На нем был драный зипун, ноги обернуты тряпками, на голове поверх платка – кивер.

Чаплиц разговаривал с ним по-французски. Офицер охотно отвечал на вопросы: да, сюда подошла почти вся армия; да, его рота получила приказ утром начать переправу; в каком месте – он не знает; где Наполеон – неизвестно.

Затем подошел староста деревни – пожилой коренастый мужичок с обстоятельными манерами. От него Чаплиц узнал, что с вечера французы начали готовить переправу, точно не знает где, кажется, выше по реке. Для этого они уже разобрали несколько домов.

Через час генерал собрал своих командиров.

– Господа офицеры, положение наше критическое. Очевидно, неприятель начнет форсировать Березину в этом районе. Перед нами будет вся французская армия. Остановить ее мы не можем, но постараемся помешать переправе до подхода наших главных сил. Донесение командующему я уже отправил. Надо не пропустить противника к дороге на Минск. Стоять до последнего. Так и настраивайте своих подчиненных.

За ночь французы успели переправить несколько полков и часть кавалерии. С утра при поддержке артиллерии они начали атаку на отряд Чаплица. Несмотря на превосходство их сил, русские отстояли свои позиции. Ночь прекратила бой. Утром оказалось, что противники находятся на расстоянии ружейного выстрела друг от друга, но никто не имел желания начинать дело. Русских сил было недостаточно для наступления, а французы спешили переправиться и потому были довольны, что их не беспокоят. Так прошел весь день. Ночью подошло подкрепление, но и его еще было недостаточно. Основная часть российской армии задерживалась.

На рассвете началось сражение. Французы обрушили на русских сильнейший артиллерийский огонь. Ядра разбивали деревья и ломали сучья, нанося людям ранения обломками. Несмотря на это, отряд Чаплица двигался вперед и теснил неприятеля. И в это время противник, используя открытую местность, на которую вышли русские егеря, атаковал их своей кавалерией и прорвал стрелковую цепь. Тогда Чаплиц с двумя эскадронами гусар бросился на врага и выручил пехотный полк. В этом жестоком бою он получил ранение в голову, но остался в строю и продолжал руководить своим войском. Сражение в лесу и канонада продолжались до поздней ночи.

На следующее утро прибыл командующий Чичагов с армией, шедшей всю ночь форсированным маршем. Но было уже поздно: наиболее боеспособные части Наполеона успели форсировать реку.

Правда, основная часть французской армии скопилась на берегу. Они уже не соблюдали порядка при переправе. Сделанные второпях мосты не устояли под напором стремившихся по ним масс людей, обозов, кавалерии и артиллерии; они обрушились под этой тяжестью, и тогда образовался живой мост из людей и лошадей. По ним переправлялся кто мог, как мог и насколько мог, пока сам не делался точкой опоры следующему за ним товарищу. Более 20 тысяч человек остались погребенными в волнах Березины. Несколько десятков тысяч тех, кто не отважился идти по живому мосту, остались в плену.

Авангард русских войск во главе с генералом Чаплицем преследовал бегущего неприятеля по всей территории Белоруссии, с ходу захватил Вильно, Ковно и к Новому году вышел на границу Российской империи.

Отечественная война закончилась. Начинался заграничный поход российских войск.

Теперь Чаплиц воевал под командованием Баркляя де Толли, который заменил Чичагова на посту командующего армией. В начале 1813 года действия русской армии – непрерывная цепь побед и успехов. Взят Кенигсберг, сдалась без боя Варшава, пал Данциг. Упорной была оборона крепости Торн, где отряд Чаплица неоднократно отражал вылазки неприятеля. Наконец в результате сильнейшего артиллерийского обстрела гарнизон сложил оружие.

Около городка Кенигсварт трехтысячный авангард, которым командовал Чаплиц, наткнулся на большой отряд противника. Верный своей тактике генерал, запросив поддержки, бросился в атаку. Оттеснив врага к Кенигсварту, русские ворвались на его улицы и захватили город. Затем был жестокий бой у деревни Кликс. За эти дела Чаплиц получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Спустя некоторое время между воюющими сторонами было заключено перемирие. Чаплиц по болезни оставил свой авангард.

В августе 1813 года, когда вновь начались военные действия на территории Германии, Чаплиц командовал кавалерией польской армии. Участвовал в Лейпцигском сражении, которое называли «Битва народов».

В кампании 1814 года он командовал одним из корпусов польской армии, принимал участие в осаде Магдебурга и Гамбурга. За действия при освобождении Германии его наградили прусским орденом Красного Орла 1-й степени.

После взятия Парижа и победы над Наполеоном Чаплиц получил французский орден Почетного легиона.

С 1817 года он командовал гусарской дивизией.

Кроме уже упомянутых наград, он имел ордена Александра Невского, Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени с алмазами. И все они – за боевые заслуги. Он никогда не был придворным, не искал милостей в главных квартирах и у царедворцев. Вся жизнь его прошла под девизом: «В службе – честь!».

Спустя годы после окончания войны на одном из офицерских собраний в гусарском полку молодой офицер спросил уже седоватого, погрузневшего Чаплица:

– Ваше превосходительство, в боях и сражениях вы всегда находились либо в авангарде, когда шло наступление, либо в арьергарде, прикрывая отход войск. Как вам удавалось побеждать врага?

Немного подумав, генерал ответил:

– В войнах с французами нам противостоял достойный враг. Хорошо подготовленная, обученная, сильная армия, ведомая отменными командирами, талантливыми маршалами и великим полководцем. Тем весомее наши победы. Одной лишь храбростью солдат, мужеством офицеров, военным дарованием генералов побед не одержать, нужна еще нравственная состав-

ляющая, которая возвышает душу над невзгодами, сближает и связывает людей, заставляет их блюсти честь Родины, народа и армии. Обучая и дисциплинируя подчиненных, с уважением относитесь к ним, любите их и заботьтесь о них, личным примером увлекайте за собой. Они ответят вам тем же в боях и походах. Укрепляйте их дух. В этом – сила армии.

Генерал-лейтенант Чаплиц умер в 1825 году.

С расстояния пистолетного выстрела

Лука Федорович Богданович – единственный из белорусов, служивших в Российском императорском флоте, кто был удостоен высшего военно-морского звания России «полный адмирал». Единственный из белорусов, награжденный за один бой сразу четырьмя орденами разных стран – России, Великобритании, Франции и Греции. Во время Наваринского сражения 8 октября 1827 года он командовал линейным кораблем «Александр Невский».

Герцог Веллингтон, посланник английского короля, удивился резкости русского императора.

– Знаете, милорд, – сказал Николай Первый, – решил я продолжить твердую позицию моего брата Александра: с оружием в руках заставить Порту уважать права России. Пока мы не ведем войну с Турцией, но дружественные отношения с ней прекратили. Однако я скажу вам: если дело дойдет до чести моей короны, то я не сделаю первый шаг к отступлению.

Речь шла о «греческом вопросе». В 1821 году греки подняли вооруженное восстание против турецкого господства, а в 1822 году Национальное собрание провозгласило независимость Греции и приняло первую в истории страны конституцию. В ответ султанское правительство предприняло жесточайшие репрессии против греков. Кровь лилась рекой. Преступления были настолько велики, что ни Россия, ни Запад не могли сидеть сложа руки. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией, но дальше угроз дело не пошло. Положение изменилось, когда на престол вступил более энергичный Николай Первый. Он дал понять, что «намерен сам заботиться устранением своих собственных несогласий с Портой». Эти слова встревожили Англию, которая в лице герцога Веллингтона предложила свое участие в решении «греческого вопроса».

Твердость и решительность Николая Первого вынудили Веллингтона в 1827 году подписать протокол о греческих делах, позволивший России и Англии вмешаться в борьбу Греции.

Получив от Веллингтона отчет, британский премьер-министр Джордж Каннинг пробурчал:

– Лучшее средство не пускать Россию за пределы договора – держать ее в согласии с Англией.

Но, боясь остаться один на один с «пугающей» его Россией, он тут же отправился в Париж с намерением привлечь в дело Францию. Так возник тройственный антитурецкий союз. Летом 1827 года представители этих государств заключили в Лондоне специальную конвенцию. В ней они потребовали от Турции прекратить войну в Греции и предоставить ей полное внутреннее самоуправление в составе Оттоманской империи. Турецкий султан проигнорировал это требование, и три державы решили оказать силовое давление – послать к берегам Эллады союзный флот.

На Балтике начали готовить эскадру для похода в Средиземное море еще до создания союза, а летом 1827 года отряд был уже готов к выходу в море. 2 июня российский император делал смотр эскадре.

На корабле «Александр Невский» государь, приняв доклад, обратился к командиру, капитану 2-го ранга Богдановичу:

- Я вижу, вы опытный моряк?
- Так точно, ваше величество, более 30 лет на морской службе.
- И боевой офицер, судя по наградам?
- Принимал участие в кампаниях 1800, 1806–1809 и 1813 годов.
- Бывали в Средиземном море?
- В составе эскадры Сенявина.

– Ну а сейчас готовы воевать?

– Так точно, Ваше Величество, и если придется, будем бить неприятеля по-русски.

На строгом, почти надменном лице государя появилась улыбка.

– Хорошо сказано. Я запомню эти слова. Рад, что на флоте служат такие офицеры, как вы.

После смотра Богданович уехал на флагманский корабль для получения дальнейших указаний, а его офицеры принялись гадать, куда их пошлют. Все были рады идти куда подальше и за делом. Большинство склонялись к мысли о походе в Средиземное море, где со времен экспедиции Сенявина – а с тех пор прошло уже двадцать лет – русский флот в боевых действиях не участвовал. Впрочем, было мнение, что эскадру могут отправить в Америку помогать испанцам.

К вечеру вернулся командир и сразу пригласил к себе всех офицеров. Перед тем, как начать разговор, он несколько раз прошелся по кают-компаниям² и оглядел собравшихся. Некоторые из них годились ему в сыновья. Но, несмотря на возраст (уже под пятьдесят) и грузноватую, склонную к полноте фигуру, он создавал впечатление энергичного и деятельного человека. У него было круглое, погрубевшее, как у всех моряков, лицо с бакенбардами, светлые поредевшие волосы и темно-синие глаза. В офицерской среде он считался достаточно «демократичным» командиром. По крайней мере, телесных наказаний не поощрял.

– Господа офицеры, – начал Богданович, – через неделю эскадра выходит в море. Цели не знаю, но прошу готовить ваши подразделения к дальнему походу. Экипаж у нас молодой, матросы из рекрутов, пришли на флот недавно, поэтому их обучение – под ваше пристальное внимание. Заниматься с личным составом каждый день, активно и по несколько часов, чтобы потом в бою матросы и канониры действовали быстро, слаженно и уверенно. Только так можно победить врага.

Все присутствующие поняли – впереди война.

10 июня 1827 года эскадра вышла из Кронштадта и к концу июля прибыла в Портсмут – неизменную остановку при выходе из Северного моря.

30 июля еще до рассвета зарядил мелкий дождик. К 6 утра командующий всей эскадрой адмирал Сенявин потребовал капитанов некоторых кораблей к себе.

– Типичная английская погода, – вздохнул Богданович, усаживаясь в командирский катер.

Офицеры «Александра Невского» догадывались, что это значит, и с величайшим нетерпением ждали возвращения своего командира. Богданович вернулся к девяти часам, и, несмотря на усилившийся дождь, его встретили прямо на шканцах. Он не стал испытывать терпение своих подчиненных и тут же объявил приказ адмирала о назначении их корабля в отдельную эскадру под командой контр-адмирала Гейдена. Она пойдет в Средиземное море на соединение с английской и французской эскадрами для совместных действий согласно трактату, заключенному между тремя державами. Русскому отряду император поставил конкретную цель: защитить греков от нападений египетско-турецких морских и сухопутных сил.

В ответ на это известие грянуло «Ура!».

Вскоре российская эскадра в составе 4 линейных кораблей и 4 фрегатов взяла курс на Гибралтар. Пройдя пролив, отряд направился к Сицилии. Там эскадра задержалась в ожидании сигнала от командующего английской флотилией вице-адмирала Кодрингтона. Моряки отдыхали, выходили на берег, но мысли у всех были направлены на будущую схватку.

Однажды после обеда офицеры задержались в кают-компаниях с разговорами. Тема крутилась одна и та же: враги, союзники. Богданович сидел в своем кресле и, покуривая трубочку, молча слушал подчиненных.

---

² *Кают-компания* – помещение на корабле для офицеров и командного состава, служащее столовой, местом собрания и отдыха.

– Русские всегда били турок, – горячился молодой мичман Завойко, – и теперь побьем, сколько бы их ни было.

– Не спеши с выводами, – возражал ему лейтенант постарше, – противника уважать надо, иначе впросак попадешь.

– Вот именно, – вступил в разговор командир, – нельзя недооценивать врага. Он может казаться слабым, а вдруг проявит характер там, где ты расслабился, и трудно тебе придется. И наоборот, если враг тебе сильным кажется – ищи слабинку, куда ты можешь его ударить, чтобы победить.

– Господин капитан, – просительным голосом произнес мичман, – вы ведь воевали в этих местах. Расскажите нам о будущем противнике.

– Надо отметить, что турки хорошо готовятся к войне, – начал свой рассказ Богданович. – Корабли справные, вооружение стоящее, советники – англичане или французы, а вот в людях у них основная проблема. Нет, моряки они неплохие, но как бойцы сильны лишь против очень слабого противника. В экипажах их кораблей только половина собственно турок, а в остальном разношерстный народец: египтяне, арабы всякие, албанцы, греки, армяне, евреи. Принцип войны у них таков: враг, что перед тобой, – это приз. Победишь – грабь, сколько хочешь, только с начальником поделись. Нажива – вот основная цель их военной службы. Морального духа в них маловато. Поэтому они быстро поддаются панике. А что такое паника на корабле, вы знаете. Убили офицера – переполох, не знают, что делать. Страх обуял – бежать! А куда? Только за борт. Вот и прыгают друг за дружкой в воду. Потом получается, что на корабле и воевать некому. Поэтому, воюя с ними, слабость показывать нельзя. Стой на месте до конца. Умирай, но не уступай! Это вы обязательно донесите до своих подчиненных. И еще одно. Не знаю уж почему, но в бою у них принято стрелять по рангоуту и такелажу, то есть по верхней части, наверное, чтобы можно было взять судно на абордаж из-за потери хода. Мы же должны стрелять по палубе, сметая людей и пушки, по обшивке, нанося пробоины, чтобы уничтожить корабль. Это вы тоже должны знать и передавать вашим людям. Ну а остальное вы и сами поймете в бою.

Наконец через несколько дней от англичан пришел сигнал, что они ждут русских у острова Занте. Встреча состоялась 1 октября.

Командующий английской флотилией вице-адмирал Кодрингтон наблюдал через подзорную трубу за появившимися на горизонте русскими кораблями, которые шли в боевом порядке двумя кильватерными колоннами. Он оторвался от трубы и сказал стоявшим вокруг него офицерам:

– Прекрасное зрелище, особенно в лучах восходящего солнца. Видно, корабли у них новые, медная обшивка еще не поблекла, потому они имеют удивительный темно-розовый цвет, что подчеркивает красивый внешний вид судов.

Вскоре появилась и французская эскадра под флагом контр-адмирала де Риньи.

К обеду три адмирала съехались для знакомства на флагманский корабль англичан «Азия». По тройственному соглашению, да и по чину, русский и французский командующие подчинялись английскому. Вице-адмирал Кодрингтон с достоинством принял на себя командование соединенной эскадрой. Это был прославленный моряк. Долгие годы он служил со знаменитым адмиралом Нельсоном, командовал кораблем в Трафальгарском сражении. В Англии его считали прозорливым политиком и хорошим флотоводцем.

2 октября соединенная эскадра прибыла к входу Наваринской бухты, где расположился турецко-египетский флот, и легла в дрейф. В глубине бухты виднелся лес мачт. Свободные от вахты толпились у борта и рассматривали в подзорные трубы вражеские корабли и батареи на берегу. Командир ходил сосредоточенный и предупреждал всех – в любой момент быть готовым к военным действиям. На всякий случай пушки держали заряженными ядрами. Учения проводились по два раза в день.

4 октября Богданович обедал у Гейдена. Возвратившись на свой корабль, он увидел десятки вопрошающих взглядов, ожидавших новостей. Он усмехнулся.

– Значительная новость одна, господа офицеры. Кодрингтон в случае упорства турок намерен атаковать их в самой бухте, где они хорошо укрепились. Но чем труднее, тем славнее будет победа.

На следующий день три адмирала, собравшись на «Азии», составили ультиматум, который отправили турецкому главнокомандующему Ибрагиму-паше. В нем они потребовали немедленно прекратить карательные действия против греческих повстанцев. На ультиматум ответа не последовало. Ибрагим-паша сделал вид, что послание не получал.

6 октября русская, английская и французская эскадры устроили маневры, в которых соревновались между собой в постановке парусов под разные ветры, в поворотах, разворотах, в изготовке орудий к бою.

Вечером в кают-компаниях разгорелся спор, кто лучше исполнял команды. Богданович молча слушал офицеров, а затем выступил в качестве третейского судьи.

– Могу вас заверить, господа офицеры, мы ни в чем не уступаем англичанам и оставили позади французов. Экипаж работал слаженно, быстро и точно исполнял команды. Но обратите внимание, ветер был сильный, и англичане также рисковали, как и мы, – парусами, мачтами, реями, канатами. Однако у них ни одного повреждения, а у нас – два марселя разорвало, да и на других наших кораблях неполадки. Это говорит о том, что наши такелаж и рангоут заметно хуже английских. И это тоже надо помнить в бою.

7 октября Богданович съездил на русский флагманский корабль «Азов», привез приказ Кодрингтона и воззвание от Гейдена. Тут же он собрал офицеров, чтобы разъяснить диспозицию на следующий день.

– Итак, господа офицеры, – начал командир, – у нас в соединенной эскадре 26 вымпелов и 1300 пушек, у турок – 82 судна и 2300 пушек. Весь флот противника выстроен в бухте в виде сжатого полумесяца, один конец которого упирается в Наваринскую крепость с артиллерией, а другой – в батареи на острове Сфактория. Флот стоит в три линии: первая – самые мощные линейные корабли и фрегаты, вторая и третья – корветы и бриги. Все корабли расположены в шахматном порядке с интервалами так, чтобы стрелять можно было со всех линий. Таким образом, каждый, кто заходит в бухту, попадает под перекрестный огонь наземных и корабельных батарей. Кроме того, оба фланга прикрывают брандеры. Вход в бухту неширокий, около полумили. Неприятельский флот не единый, справа от входа разместились египетские суда, слева – турецкие.

Как видите, турецко-египетская эскадра сильна, позиция ее – удачна. Слабостью я считаю: скученность судов, небольшое количество линейных кораблей и, как мне сказали, пушки у них послабее наших. Войти будем двумя кильватерными колоннами: правая часть – английская и французская эскадры, левая – русская. Каждый корабль располагается перед определенным кораблем противника. Нам достались два фрегата в первой линии и два корвета – во второй. Как видите, господа офицеры, несмотря на неприступность вражеской позиции, адмирал Кодрингтон решил все-таки войти в бухту, чтобы своим присутствием принудить Ибрагима-пашу к удовлетворению своих справедливых требований.

Богданович сделал паузу и закончил:

– Согласно приказу, ни одного выстрела не должно быть сделано с нашей стороны без сигнала, но если турки откроют огонь, мы должны ответить немедленно на уничтожение. Надеюсь, господа офицеры, на ваше мужество и храбрость ваших подчиненных.

Офицеры разошлись готовить свои подразделения к бою. Раздавали патроны к ружьям и пистолетам, разносили ящики с картузами, проводили осмотр и переключку людей.

В два часа дня Богданович вышел на палубу.

– Объявите тревогу, – обратился он к старшему офицеру, – хочу посмотреть готовность подразделений.

После того, как весь экипаж занял свои места, командир не спеша обошел корабль. У одной пушки он остановился. Семь матросов и унтер-офицер бодро смотрели ему в глаза, ожидая приказаний.

– А ну-ка, братцы, покажите, как вы будете заряжать и перезаряжать орудие, –скомандовал Богданович и достал часы.

Матросы работали живо и слаженно, унтер-офицер отдавал четкие команды и не суетился.

За час командир обошел весь корабль и остался доволен.

– Распускайте людей, – сказал он старшему офицеру, – пусть отдыхают.

К вечеру экипаж собрался на молебен. Служба прошла в полном молчании. Люди были серьезны и сосредоточенны. Каждый молился и думал о своем. Священник кропил всех святой водой, давал целовать крест, уговаривал не бояться смерти за веру православную.

Потом все пили чай между пушками. Люди оживились, всех охватило возбуждение. Это было родство душ перед смертью, когда отходят в сторону мелкие неприятности.

Вечером у капитана офицеры выпили по рюмке хорошего вина, пожелали друг другу остаться завтра невредимыми. Потом начались разговоры о семейных делах, о родных. После ужина беседы продолжились, но к десяти вечера все разошлись. На корабле установилась тишина. Богданович поднялся на мостик. Выслушав доклад вахтенного офицера, он подошел к борту. Почти не чувствовалось ветра. На небе сквозь легкие облака проглядывали звезды. В крепости мелькали огни, лаяли собаки, перекликались часовые.

Богданович прогулялся по палубам. Люди спали. Только в кубрике, переоборудованном под госпиталь, еще суетились лекарь с фельдшером и санитары.

Рано утром капитан уже был на мостике.

– Что с ветром? – спросил он у вахтенного лейтенанта.

– Ветер тихий и с берега, неудобный для входа.

Корабли лавировали около бухты до 12 часов. Наконец подул хороший ветер и эскадра начала строиться в кильватерные колонны. «Александр Невский» шел четвертым за кораблем под названием «Иезекииль». За ним шли четыре фрегата.

Богданович неотрывно смотрел в подзорную трубу.

– Что за черт! – вдруг воскликнул он. – Опять французы запоздали!

Русские корабли вынуждены были замедлить ход и пропустить французские, чтобы те заняли свое место в кильватерном строю. Из-за этого первую стала вползать в бухту правая колонна во главе с флагманом англичан «Азия». Левая колонна, которую вел русский корабль «Азов», отставала.

К половине первого был поднят сигнал «Приготовиться атаковать неприятеля». Ударили тревогу, и через несколько минут все было готово – офицеры и матросы по местам, фитили зажжены, ружья заряжены. Экипаж ждал приказаний. Богданович шел, поверяя боевые посты и говоря всем одни и те же слова: «Драться храбро» и «Внимательно слушать команды». Матросы радостно, в один голос отвечали: «Рады стараться!» Поднявшись на мостик, командир коротко бросил старшему офицеру: «По врагу стрелять наверняка, с расстояния пистолетного выстрела!»

Русская эскадра еще только входила в бухту, а англичане и французы уже начали перестрелку с противником. Разгорался бой.

Батареи крепости и острова встретили русских сильным картечным огнем. Богданович приказал стрелять с обоих бортов. Впереди грохотали пушки союзников и турок.

Густой дым от выстрелов закрывал тесный и малоизвестный проход в бухту. Колонна шла во мраке, почти на ощупь.

Проходя мимо вражеских батарей и фрегатов, русские корабли по очереди открывали стрельбу. Наконец батареи на острове замолчали. Эскадра продолжала идти в сплошном дыму, осыпаемая ядрами, картечью и пулями, к своим местам по диспозиции.

Вахтенный лейтенант в недоумении обратился к Богдановичу:

– Я не вижу «Иезекииль». Куда править?

– На румб, по компасу, – коротко бросил командир.

– Компас не работает, картушка³ сброшена со шпилек. Наверное, от пальбы.

Действительно, с каждым залпом корабль сотрясался от днища до клотика.

Наконец дошли до места, убрали паруса, бросили якоря и под сильным огнем начали разворачиваться как можно ближе к вражескому фрегату. Богданович видел, как лихорадочно турки перезаряжают орудия, как носятся их офицеры, отдавая команды гортанным голосом. Когда маневр был закончен, капитан скомандовал: «Палить правым бортом до уничтожения неприятеля!» Теперь все зависело от артиллерии.

По всей бухте разгоралось сражение – кровопролитное, губительное и решительное. Два флота, почти сцепившись реями, были похожи на двух безумных бойцов, которые на поединке ищут не жизни и победы, а смерти со славой. Противники уже не могли уклониться или избежать истребления: малейшая неудача в движении или упущение в стрельбе могли привести к гибели.

Грохотания двух тысяч орудий слились в один громовой звук, море колебалось, как от землетрясения, корабли дрожали от воздушных волн. Бухту заволокло облаками дыма. Небо и вода исчезли, и день превратился в ночь; лишь вспышки пушечных выстрелов освещали и открывали цели сражающимся кораблям.

«Александр Невский» вел стрельбу по нескольким целям: по двум фрегатам в первой линии и по двум корветам – во второй. Это был крошечный ад. Ревели орудия, стрелявшие почти в упор, ядра свистели над головами, звенели книппели на лету, сыпались картечь и пули, шипели зажигательные снаряды – брандскугели. Трещало дерево. Сверху валились обломки, раскачивались лопнувшие снасти. Гул стоял такой, что не слышать команд. Трудно было дышать в тяжелом пороховом дыму.

Богданович стоял на мостике, не обращая внимания на летавшие вокруг снаряды. Лицо его было в копоти, по щеке сочилась кровь. Он продолжал отдавать команды вахтенному лейтенанту и старшему офицеру.

На всех палубах люди делали страшную работу войны. Без мундиров, с завязанными или заткнутыми ушами, чтобы совсем не оглохнуть, канониры перезаряжали орудия. Матросы с дикими взорами и раскрытыми ртами, не замечая опасности, бросались туда, куда им приказывали. Кто похрабрее, повышали голос – им охотно повиновались. Робкие превращались в резвых. Каждый работал за четверых. Несмотря на утомление, силы, казалось, увеличивались. Томимые жаром и усталостью матросы окачивались морской водой, которой поливали палубу, предохраняя от пожара, прикладывались к ядрам или держали свинцовые пули во рту, и тем освежали горящие губы и запекшийся язык. Ничто не устрашало их. Казалось, ужас возбуждал у людей еще большую храбрость. Каждый взрыв на неприятельском корабле сопровождался радостным «Ура!». Даже раненые в кубрике поддерживали возгласами этот символ русской храбрости.

Вскоре на одном из вражеских фрегатов были сбиты все мачты, выведены из строя большинство пушек, во многих местах пробита обшивка. Турки вывесили белый флаг.

Богданович приказал прекратить пальбу и срывающимся от волнения голосом сказал старшему офицеру:

– Шлюпку на воду, принять флаг неприятельского корабля!

---

³ *Картушка* (компаса) – главная составная часть магнитного компаса, указывающая страны света.

Когда флаг был доставлен на «Александр Невский», по верхней палубе, в который раз, прокатилось «Ура!».

Еще один, рядом стоявший турецкий фрегат прекратил борьбу и сдался, но туда быстрее успели французы.

– Вот хитрецы! – воскликнул вахтенный офицер. – Отняли у нас победу!

Два корвета, что были во второй линии, выбросились на берег.

Неподалеку раздался оглушительный грохот. Это взорвался турецкий корабль. «Александр Невский» содрогнулся от воздушной волны. Сверху упало несколько горящих обломков. В одном месте начался пожар, но его быстро потушили.

По всей бухте затихала пальба. Видно было, что союзники выиграли сражение. Вокруг все горело. Взрывались и выбрасывались на берег оттоманские суда.

В шесть вечера пробили отбой. Изможденные, усталые люди садились или ложились на палубу, что-то возбужденно говорили, кричали, размахивали руками. Это была радость победы.

Офицеры, собравшись, целовались, как братья, от безмерного счастья видеть друг друга живыми. Царило общее возбуждение, каждый старался рассказать о своих действиях во время боя.

Уже стемнело. Был прекрасный вечер, совершенный штиль, и ничто не омрачало ясного неба, но зрелище вокруг было ужасное. Победоносные корабли союзников, окруженные обломками и плавающими трупами, на фоне горящих и взрывающихся судов казались стражниками, стоящими у ворот ада.

Через некоторое время прибыл офицер от адмирала Гейдена, чтобы поздравить команду с победой и поблагодарить от имени командующего за быструю постановку и отменную стрельбу.

Богданович спустился в свою каюту и упал без сил в кресло.

Вошел старший офицер. Доложил о потерях. Ранено 2 офицера, остальные живы. Нижних чинов убито пятеро, ранено семь.

– Разделите людей на две смены, капитан-лейтенант, – устало сказал Богданович, – и пусть каждый начальник позаботится о приведении корабля в порядок и о содержании караула.

Это была беспокойная ночь. Находясь в неизвестной бухте, посреди берегов, занятых многочисленным неприятелем, союзные корабли были окружены, хотя и разбитым, но не полностью истребленным флотом. Турки в отчаянии предавали все огню. Гул от взрывов, следовавших один за другим почти беспрестанно, рождал у людей тревогу, а постоянная опасность от брандеров и пожара заставляла их с нетерпением ожидать рассвета.

На следующий день союзные корабли начали приводить себя в порядок, а через пять дней покинули бухту и отправились для ремонта на Мальту.

Так закончилось Наваринское сражение.

За этот бой капитан 2-го ранга Богданович Лука Федорович получил российский орден Святой Анны 2-й степени, английский военный орден Бани, французский – Святого Людовика и греческий – Спасителя.

Впоследствии он стал одним из самых орденосных адмиралов, потому что кроме вышеперечисленных орденов, у него были еще девять российских наград.

Флаг с турецкого фрегата, который сдался Богдановичу, был единственным трофейным знаменем, захваченным русскими в Наваринском сражении. Флаг этот был представлен государю, и император пожаловал его Морскому кадетскому корпусу при следующем рескрипте: «Для сохранения памятника блистательного мужества российского флота, в битве Наваринской ознаменованного, повелеваю турецкий флаг, завоеванный кораблем “Александр Невский”, поместить в зал Морского кадетского корпуса. Вид сего флага, напоминая подвиг 7-го линейного экипажа, да возбудит в младых питомцах сего заведения, посвятивших себя мор-

ской службе, желание подражать храбрым деяниям, на том же поприще совершенным и ожидаемым от юных сынов любезного Отечества нашего при будущем их служении».

В дальнейшем Богданович находился на разных должностях: командовал портами, кораблями, бригадами, работал в Морском министерстве, был членом Адмиралтейского совета.

Умер он в 1865 году в чине адмирала.

Драться до последней возможности!

В Севастополе есть скромный, но впечатляющий памятник с лаконичной надписью: «Казарскому. Потомству в пример». Памятник был заложен всего через год после смерти офицера на средства, собранные российскими моряками. Так быстро не возвеличивали даже коронованных особ. Это был знак всенародного уважения к капитану 1-го ранга Александру Ивановичу Казарскому, который был родом из Витебской губернии.

Короткая майская ночь подошла к концу. Рассвело. На чистом небе гасли последние звезды. Восток уже окрашивался золотистым цветом. Вот-вот должно было подняться солнце. Дул легкий ветерок. Море было спокойное. Над поверхностью воды растекался пушистый туман. Слабая зыбь качала небольшое судно, идущее под верхними парусами.

На юг⁴ поднялся молодой, невысокого роста офицер в чине капитан-лейтенанта. У него было худощавое, с высоким лбом и мелкими, приятными чертами лицо. Это был командир корабля Александр Иванович Казарский.

– Какие новости, Федор Михайлович? – спросил он вахтенного офицера лейтенанта Новосильского.

– Никаких. Держим курс на восток, к румелийскому берегу. Ничего существенного замечено не было.

– Да, третий день патрулируем, а никакого намека на турецкий флот.

Бриг «Меркурий», которым командовал Казарский, вместе с фрегатом «Штандарт» и бригом «Орфей» находились в крейсерстве в районе Босфора. Задача их была простая – разведка неприятельского флота. Обо всех передвижениях кораблей противника немедленно докладывать в Сизополь, где находилась база Черноморского флота. Старшим этой группы русских кораблей был командир фрегата «Штандарт».

Шел второй год войны с Турцией. После победы союзного флота в Наваринском сражении султан Махмуд Второй не успокоился и в конце 1827 года выпустил фирман о войне с Россией, призвав всех мусульман на «джихад» – войну с неверными. В апреле 1828 года Николай Второй опубликовал манифест о начале войны с оттоманской Портой. Русская армия перешла границу и быстро оккупировала Молдавию и Валахию. В мае она форсировала Дунай у села Сатунова и взяла в осаду крепость Варну. В Закавказье русские войска, пользуясь широкой поддержкой населения, заняли Карс, Поты, Баязет. На Черноморском побережье Кавказа русские моряки высадили десант у Анапы и после месячной бомбардировки турецких укреплений овладели крепостью без штурма. В этом деле отличился бомбардирский корабль «Соперник» под командованием лейтенанта Казарского. Именно от действия его мортиры наиболее пострадала внутренняя часть крепости. Офицера наградили, присвоив ему звание капитан-лейтенанта. После Анапы Черноморский флот отправился к Варне и в конце июля заблокировал крепость с моря. И здесь отличился «Соперник» под руководством Казарского. Подойдя как можно ближе к крепости, бомбардирское судно в течение почти суток обстреливало турецкие укрепления, несмотря на сильный огонь противника. За мужество, проявленное в этом бою, Казарский был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В конце 1828 года капитан-лейтенанта назначили командиром брига «Меркурий». Приняв корабль, Казарский много сделал, чтобы привести его в порядок. К весне судно было готово к плаванию. Ему стали поручать самые ответственные задания. Как правило, это было крейсерство. Вот и теперь бриг уже три дня патрулировал у берегов Турции.

---

⁴ Ют – кормовая надстройка судна.

14 мая 1829 года крейсера подходили к Босфору, поближе к Константинопольскому рейду, чтобы определить, где находится турецкий флот. Впереди шел «Штандарт», за ним «Орфей» и «Меркурий».

Встало солнце. Туман рассеялся. Экипаж только успел позавтракать, как раздался крик вахтенного на салинге: «Неприятель на ветре!»

– Ишь, глаз какой острый, – сказал Казарский, отрываясь от подзорной трубы. – Тут в трубу едва видно, а он разглядел.

На «Штандарте» подняли сигнал: «Следовать за мной!» Русские корабли стали сближаться с турецким флотом. Это не было бравадой. Надо было подойти поближе, чтобы точно посчитать количество неприятельских судов и определить, куда они направляются. Расстояние до противника заметно сокращалось. Турки шли спокойно вдоль анатолийского берега, растянувшись почти на милю. Русские крейсера повернули и пошли параллельным курсом.

На «Меркурии» командир и вахтенный офицер считали турецкие корабли.

– Шесть линейных, два фрегата, два корвета, один бриг, три тендера и еще четыре мелких судна. Всего восемнадцать, – подытожил Казарский. – Это флот, господа!

– И идет он в Константинополь, судя по курсу, – добавил Новосильский.

– Видно, идут они из Синопа, – вступил в разговор лейтенант Скарятин, старший офицер корабля, только что поднявшийся на палубу.

– Штурман, какое расстояние до противника? – спросил командир.

– Семь-восемь миль, – доложил поручик Прокофьев.

– Пора бы уже и поворачивать домой, – осторожно произнес за спиной старшего офицера мичман Притупов.

– Будем ждать сигнала старшего в отряде, – сказал Казарский и обернулся. Перед ним стояли все его четыре офицера, и лица их были сосредоточенные.

Казарский не подавал виду, но и он был встревожен тем, что они сближались с неприятелем. «Меркурий» был более тихоходным кораблем, чем «Штандарт» и «Орфей», и в случае погони ему пришлось бы туго.

И будто в ответ на его тревожные мысли сигнальщик прокричал:

– Неприятель делает поворот!

Турецкий флот начал разворачиваться в сторону крейсеров. На «Штандарте» взвился сигнал: «Каждому судну сделать курс, при котором имеет лучший ход».

– Поднять все паруса, – приказал Казарский.

Засвистела дудка боцмана, матросы побежали по вантам⁵. Русские корабли развернулись и поспешили на север. Отличные ходоки «Штандарт» и «Орфей» сразу же вырвались вперед. Бриг «Меркурий», хоть и нес предельное количество парусов, стал отставать от них. Вскоре фрегат и бриг можно было видеть только с носовой части «Меркурия». А турецкие корабли приближались. Впрочем, весь флот отстал, погоню продолжили два линейных корабля.

Солнце катило над морем, забираясь все выше и выше. Становилось жарко. Волны под форштевнем⁶ корабля сверкали, играя множеством немислимых красок. Бриг почти не качало. Казарский внимательно разглядывал в подзорную трубу турецкие корабли. Они еще были далеко, но расстояние медленно сокращалось. Впереди, где белели паруса «Штандарта» и «Орфея», раздалась выстрелы, приглушенные расстоянием.

– Неприятеля хотят обмануть, мол, наша эскадра рядом, – с надеждой проговорил штурман.

---

⁵ *Ванты* – снасти судового стоячего такелажа, служащие для крепления мачт с боков.

⁶ *Форштевень* – носовая деталь набора корпуса – брус, являющийся продолжением киля вверх. Носовая оконечность судна.

– Но турок-то не отступает, – покачал головой командир, – видишь, как гонит под всеми парусами. Не понимаю, чего это они решили устроить такую погоню. Два линейных – за одним бригом!

Казарский не знал (да никто еще из русских не знал), что три дня тому назад случилось событие невероятное, из ряда вон выходящее. Произошло вот что.

После того, как в апреле в Сизополе была создана операционная база русского флота, оттуда периодически стали выходить корабли для нападения на прибрежные крепости, крейсера на коммуникациях, блокады портов, ведения разведок. И, надо сказать, действовали русские весьма успешно. А 4 и 6 мая отряд под командованием капитана 1-го ранга Скаловского расстрелял и сжег строящиеся линейный корабль в Пендераклии и корвет в местечке Акчесор. Этот дерзкий рейд переполнил чашу терпения турок. Султан Махмуд Второй, вне себя от ярости, приказал своему капудан-паше вывести флот на поиск отряда Скаловского. Турецкая эскадра не нашла отряд, но 11 мая около Синопа встретила с русским фрегатом «Рафаил». Окружив корабль, турки потребовали спустить флаг, и командир фрегата, капитан 2-го ранга Стройников, сдал судно без сопротивления. Случай невероятный! Никогда еще до этого (а надо отметить, что никогда и впоследствии) русские военные моряки не спускали флаг перед врагом. Поэтому, когда турецкая эскадра возвращалась домой и заметила не очень быстрого русский бриг, капудан-паша, воодушевленный удачей с «Рафаилом», решил завладеть еще одним призом. Он посчитал, что 110-пушечный «Селемие» под флагом капудан-паши и 74-пушечный «Реал-бей» под вымпелом младшего флагмана смогут принудить русское судно сдаться. Вот почему они так настойчиво гнались за «Меркурием».

Всего этого Казарский, уходя от погони, не знал. Втайне он надеялся, что турки, оказавшись поблизости от русской базы, прекратят преследование. Однако неприятель упорно шел за маленьким бригом.

К командиру подошел Скарятин:

– Александр Иванович, корабль как следует не прибран...

– Да, Сергей Иосифович, начинайте приборку. И люди будут делом заняты. Нам ведь только ждать остается: либо турки махнут на нас рукой, либо...

Опять засвистела боцманская дудка. Под умелыми руками матросов «Меркурий» приобрел свой обычный щегольской вид. Засверкали медные и бронзовые части, засияла янтарной желтизной палуба. Казарский прошелся по кораблю, придирчиво осматривая закоулки. Это немного отвлекло, и он некоторое время не думал о кораблях противника, преследующих его маленький бриг.

Море было спокойное и, словно огромное голубоватое зеркало, отражало немногочисленные облака. Солнце уже не грело, а палило изо всех сил. Ветер стих. Наступил штиль. Бриг и преследовавшие его корабли замедлили ход и почти остановились, лениво покачиваясь на волнах.

– С таким ветром далеко не уйдешь, – вздохнул Скарятин.

– Но у нас есть преимущество, – неожиданно заявил Казарский. – У нас есть весла! Командуйте, господин лейтенант.

Засвистела флейта. Раздалась команда: «Разобрать ростеры⁷, людей на весла!»

Десять лет тому назад Казарский командовал отрядом гребных судов в Дунайской флотилии и, приняв командование «Меркурием», не раз по привычке устраивал экипажу гребную тревогу: учил матросов быстро разбирать и собирать ростеры, где хранились запасные реи, стеньги⁸, весла. Поэтому теперь люди, хорошо знавшие свои обязанности, ловко достали весла,

---

⁷ *Ростеры* – сложенные особым образом реи, стеньги, весла. В те времена бриги кроме парусов имели еще и по несколько десятков весел. Обычно ими не пользовались и весла лежали сложенными вместе с запасными реями и стеньгами.

⁸ *Стеньга* – верхнее продолжение мачты, ее составная часть.

вставили их в специальные гнезда и принялись грести. Матросы, по трое, а где и поболее, дружно наваливались на вальки. Прошло полчаса. Расстояние между русскими и турецкими кораблями увеличилось, хотя и не намного. Ветер посвежел. Бриг побежал быстрее, но и у турок ход увеличился.

– Александр Иванович, – обратился к командиру вахтенный офицер, – на турецких кораблях поставили дополнительные паруса, и они увеличили ход.

– Суши весла, – скомандовал командир, – но пока не убирать!

Линейные корабли постепенно приближались к «Меркурию». Над флагманским кораблем турок появилось белое облачко. Грохнул выстрел. Но ядро, не долетев до «Меркурия», упало за кормой.

– Пугают, что ли? – предположил Новосильский.

– Похоже, предлагают спустить флаг, – усмехнулся командир, – да только не рановато ли?

Теперь уже Казарский отчетливо понимал: быть бою. Он склонился над картой, прикидывая расстояние до Сизополя, где стоял флот.

– Далеко! – вздохнул, стоящий рядом с ним штурман. – Не дотянем до своих таким ходом.

– Да, – подтвердил командир, – если бы дело к вечеру было, то, наверное, смогли бы ускользнуть.

– Показалась бы сейчас наша эскадра, турки сразу бы назад повернули, – мрачно заметил мичман Притупов, – только и горазды, что с одним кораблем сражаться.

– Не надо недооценивать противника, Дмитрий Петрович, – ответил старший офицер, – бойцы они упорные и моряки неплохие, вот только канониры у них неважные.

Казарский поднял руку, лицо его было сосредоточенное.

– Раз уж вы все здесь собрались, господа офицеры, – сказал он серьезным голосом, – давайте проведем совещание. Тем более, что времени у нас маловато.

Командир обвел глазами свой маленький офицерский корпус и, видя, что все молчат в знак согласия, продолжил:

– Мне нечего от вас скрывать, вы сами видите, турецкие корабли нас настигают и вскоре догонят. У них – один трехдечный и один двухдечный корабли. По моим расчетам – около двухсот пушек. У нас – восемнадцать да две погонные на носу. В десять раз перевес по огню, да и пушки у них – покрупнее наших. А про численный состав и говорить нечего. У нас 110 человек нижних чинов и 5 офицеров, у них людей – тьма. Вот такой расклад. Теперь я хочу услышать ваше мнение, господа офицеры. Вопрос один: что будем делать? Как и положено, по нашей морской традиции начнем с младшего по чину. Ваше слово, Иван Петрович?

Самый старший по возрасту, но младший в звании поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев говорил спокойно, медленно, будто взвешивая каждое слово:

– Главное, не посрамить наш Андреевский флаг. Раз уж уйти нам нельзя, разбить неприятеля невозможно – больно перевес велик, значит, драться надо до последней возможности. А потом, когда уж конец совсем придет, – привалиться к неприятельскому кораблю да вместе с ним – на воздух!

– Хорошо сказано. А ваше мнение, Дмитрий Петрович?

– Будем биться насмерть, – ответил мичман Притупов.

– Постоим за Отечество, – сказал лейтенант Новосильский.

– Сраму не примем, – коротко бросил старший офицер корабля лейтенант Скарятин.

– Ну что ж, другого я от вас не ожидал, господа офицеры, – подвел итог Казарский. – Итак, военный консилиум проведен, о чем я сейчас сделаю запись в вахтенном журнале. Будем драться до последней возможности. Кроме того, я предлагаю положить заряженный пистолет на шпиль перед входом в скрыт-камеру⁹, чтобы в случае угрозы захвата корабля противником

---

⁹ *Крыйт-камера* – помещение на корабле для хранения боеприпасов, взрывчатых веществ, пороховой склад. Крыйт-

последний из оставшихся в живых офицеров выстрелом в бочку с порохом взорвал бриг. Возражения есть?

– Нет, – ответили хором все офицеры.

– Тогда стройте людей, Сергей Иосифович.

Казарский прошелся вдоль строя и остановился посередине.

– Братцы, вы все опытные бойцы. Стояли уже и под ядрами вражескими, и под пулями у стен Анапы и Варны в прошлом году. Да и в этом уже привели два призовых судна. Но теперь серьезная баталия предстоит, братцы. Не уйти нам от неприятеля, а значит, будем принимать бой. Господа офицеры и я решили биться до последнего. Не погрешим против присяги! Так требует от нас государь император и честь военно-морского флота. Никогда еще русский корабль не сдавался в плен и не спускал флаг перед неприятелем. А если наступит последняя крайность, то мы взорвем бриг вместе с вражеским судном. Хочу вас уверить, что я, как командир, сделаю все возможное, чтобы спасти судно и вас. Поэтому жду от вас быстрого и точного исполнения команд моих и остальных офицеров. Будьте внимательны и стойки в бою. И тогда мы, с Божьей помощью, победим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.